

© ЭО, 2004 г., № 3

С. Я. Козлов

### ЧИТАЯ ДВЕ КНИГИ “РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ”\*

Вышло так, что первую книгу “Репрессированные этнографы” при ее появлении в начале 1999 г. я не прочитал, а только “полистал”, “пробежал глазами” – дав себе слово, однако, найти время и внимательно ее “освоить”, ибо глубоко затронула она необычным, драматическим своим содержанием и главными своими персонажами, которым посвящены 12 составляющих ее статей-очерков, и множеством значительных имен людей, с которыми пересекались жизненные пути этих двенадцати, и просто понял я, что на “излете” уже своей работы в этнографии очень многого даже из сравнительно недавней ее истории попросту не знаю (что уж говорить о более молодых поколениях...). Но, как это нередко в нашей жизни бывает, за бегом времени и набегом, наплывом других дел, обязательств, обстоятельств так и не получилось ее прочитать – вплоть до осени 2003 г., когда появилась вторая книга с тем же названием (объемнее, “толще” первой, в ней 16 статей). Я вызвался написать рецензию на нее, прочитал ее за три дня, понял, что не смогу писать о ней, не прочитав первой книги; прочитал ее и рецензию на нее – умную, содержательную, очень неравнодушно написанную М.В. Тендряковой<sup>1</sup> (впрочем, равнодушно писать о таком и невозможно). А прочитав написанное Марией Владимировной о первой книге, враз осознал, что писать рецензию на вторую книгу (обычный, так сказать, “отзыв”) нет необходимости – ибо все, что она сказала о героях и авторах первого выпуска, можно сказать и о героях и авторах второго (как говорится, готов подписаться под каждым словом).

Повторять все эти правильные, умные мысли, несколько по-иному их излагая, варьируя, играя словами – не то что не хотелось, а вроде как бы и неэтично, и даже грешно, если угодно. Но зато остро, непреодолимо возникло – нет, не желание, а потребность, необходимость, обязательность высказаться о явлении как таковом, явлении, имя которому – “репрессированные этнографы”.

\* \* \*

Да, этнография (этнология), в отличие от ряда других наук, не была запрещена (в очень полиэтничной стране не обойтись было без науки о народах...), и кадры ее не были подвергнуты тотальному избиению. Тем не менее в 1920–1950-е годы было репрессировано около 500 этнографов, антропологов, ученых смежных специальностей<sup>2</sup>. Чтобы представить себе масштаб этой цифры (правильнее, конечно, – этого числа), напомним: в Институте этнологии и антропологии РАН сегодня работает 200 (с небольшим) сотрудников, включая персонал ненаучных подразделений. Это значит, что в те драматические (для многих – трагические) десятилетия были подвергнуты репрессиям, образно говоря, два с половиной таких института... тотального разгрома, верно, не было, но какой погром был учинен!.. Сколько прекрасных, талантливых людей и специалистов были уничтожены, сколько судеб покорежено, сколько научных направлений обескровлено, деформировано. Давайте обратимся к тем 28 очеркам, которые помещены в двух книгах “Репрессированные этнографы”, к тем 29 персонажам, которым они посвящены (в одной статье говорится о супругах

\* Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999. 343 с. (Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин). Книга подготовлена и издана при финансовом содействии РГНФ (проекты № 95-06-17188, 98-01-16129).

Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. 495 с. (Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин). Книга подготовлена и издана при финансовом содействии РГНФ (проекты № 00-01-24016 и 02-01-16148).

Мерварт). Шесть из них расстреляны: А.В. Адрианов, Б.Э. Петри, П.Ф. Преображенский, Г.В. Ксенофонтов, Н.М. Маторин, С.П. Басария. К этим шести именам надо добавить, как минимум, еще два, упоминаемые в статье А.М. Решетова о Н.М. Маторине: это А.А. Бусыгин, заместитель директора Института этнографии, казнен в 1936 г., и С.Н. Быковский, этнограф и археолог, научный сотрудник Института этнографии, расстрелян в 1937 г. Семеро не выдержали тюремно-лагерных условий, умерли в заключении: Н.Н. Козьмин, А.Н. Генко, Г.А. Кокиев, Ф. А. Фиельструп, А.Н. Харузин, А.М. Золотарев, Е.Т. Гюзальян (перечисляю в том порядке, в котором эти люди, ученые-мученики, появляются на страницах этих двух книг).

Я подсчитал, сколько лет (суммарно) провели в тюрьмах, лагерях, ссылке эти 29 человек: более 100 (точнее, 101–103 года). Более 100 лет (сколько же все 500, при всей приблизительности, “округленности”, некоторой условности этого числа – ?...), т.е. более века только эти 29 человек – умных, талантливых, великолепно, разносторонне образованных, в большинстве своем – что называется, трудоголиков, преданных науке, видевших в ней смысл и содержание своей жизни – были вырваны из нее, оторваны от нее, не могли собирать литературные и полевые материалы, обдумывать уже накопленные, писать статьи и книги, общаться с коллегами, обсуждая с ними свои мысли, идеи, находки, передавать свои знания студентам и аспирантам... насколько же беднее наша наука, чем могла бы быть?.. Я уже не говорю, как влияла эта ситуация на их коллег, которых миновала горькая чаша, выпавшая на долю мучеников: на их мышление, на выбор тем, на формирование мыслей, выводов, обобщений; так или иначе, на все их научное творчество, на всю жизнь. Сколько ушли в “другие” темы, сколько – думали одно, говорили – другое, писали – третье (при постоянном присутствии в голове цензора – саморедактора), а после издательского редактирования с постоянной оглядкой на цензуру Главлита получалось нечто четвертое. Чтобы меня не обвинили в чрезмерном “перегибе” и “перехлесте” нынешние редакторы, придется опереться на авторитет президента России В.В. Путина. В начале октября 2003 г. он дал интервью журналисту “The New York Times”, в котором, в частности, отметил, что “если в европейских странах, в Северной Америке... принципы [“гуманизма, прав человека, свободы слова”] утверждались в течение столетий и сейчас мало кто хочет вспоминать, скажем, период инквизиции, то в России эта инквизиция закончилась только в конце 80-х годов”<sup>3</sup>.

Так что надо вести речь не только о репрессированных этнографах, но и о репрессированной этнографии как науке (в ряду других репрессированных наук) – в общем потоке репрессированной науки и культуры в целом, в общей трагедии репрессированного народа, репрессированной страны.

\* \* \*

Давайте посмотрим\*, каким направлениям нашей науки (региональным, проблемно-тематическим) был нанесен урон в те годы (не просто большой, а в каком-то смысле непоправимый, невозместимый, ибо каждый человек, каждый ученый, каждый интеллект – особый мир, особая Вселенная, незаместимая, неповторимая). По этнографии Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера России активно работали (и были вырваны из науки на годы или навсегда): А.В. Адрианов, Б.Э. Петри, Н.Н. Козьмин, Б.О. Долгих, Г.М. Василевич, Е.А. Крейнович, Г.В. Ксенофонтов, Г.М. Токмашев, В.В. Чарнолуский, А.М. Золотарев, Б.А. Куфтин, А.Н. Липский. Большой научный отдел, и в каком составе!.. В кавказоведении это А.Н. Генко, Г.А. Кокиев, С.П. Басария, Е.Т. Гюзальян, Ф.А. Фиельструп. По Средней Азии и Казахстану, тюркологии вообще: А.Н. Харузин, П.Ф. Преображенский, Ф.А. Фиельструп, Н.Н. Мартинович, Б.А. Куфтин. По этнографии русских и других славянских

\* На материале только тех статей, которые включены в два выпуска издания “Репрессированные этнографы”.

народов: Т.А. Крюкова, Н.И. Гаген-Торн; по народам Поволжья – они же. По американистике – Ю.П. Петрова-Аверкиева. По австраловедению – А.М. Золотарев. По индологии, цейлоноведению – А.А. Мерварт и А.М. Мерварт. Возьмем религиозоведение: здесь такие имена, как П.Ф. Преображенский, Г.В. Ксенофонов, Н.М. Маторин, А.М. Золотарев, Н.И. Гаген-Торн. В фольклористике, краеведении: Н.М. Маторин, Н.И. Гаген-Торн. В ономастике такой гигант, как В.А. Никонов. В музееведении: Б.А. Куфтин, Т.А. Крюкова, Е.Т. Гюзальян. Видным, оригинальным специалистом по истории древнего общества и теоретиком культурно-исторического развития человечества смолodu зарекомендовал себя А.М. Золотарев. Талантливым исследователем материальной культуры вообще и в связи с проблемой этногенеза проявил себя Б.А. Куфтин.

Читатель, конечно, обратил внимание, что некоторые фамилии повторяются в разных “рубриках”. Это вполне закономерно, ибо большинство действующих лиц этих 28 статей были людьми многогранными. Получившие, как правило, прекрасное, блестящее образование (Петербургский, Московский, Томский университеты; у многих – стажировка, практика в лучших зарубежных научных и университетских центрах), с хорошим знанием нескольких или многих языков, смолodu посвятившие себя науке (или близким к ней сферам деятельности), они истово и преданно служили ей, реализуя себя в различных ее сферах.

В какую рубрику “загнать”, скажите, А.В. Адрианова – крупного исследователя этнографии и археологии Сибири, выдающегося “полевика” – коллекционера, историка, публициста, издателя; или А.Н. Генко – полиглота, культуролога, языковеда, востоковеда, источниковеда, собирателя, кавказоведа, одного из создателей алфавитов для бесписьменных языков Кавказа (ему же принадлежит честь открытия цахурской средневековой письменности); или Ф.А. Фиельструпа, путешествовавшего по Кавказу, Монголии, Южной Америке, работавшего (как этнограф) в Приуралье и Сибири, среди казахов и киргизов; или П.Ф. Преображенского – этнографа, религиоведа, историка культуры античного времени; или Н.И. Гаген-Торн – ученого, писателя, поэта и литературоведа (написала несколько оригинальных исследований, посвященных “Слову о полку Игореве”, и научно-популярную книгу о “Слове...” – до сих пор не опубликованную; монографию “Женская одежда народов Поволжья”, прекрасную книгу об одном из ее выдающихся учителей “Лев Яковлевич Штернберг” [портрет которого был и остается на стене в ее домашнем рабочем кабинете] и серию статей о другом ее учителе – талантливейшем Д.К. Зеленине); или замечательного якутского интеллигента Г.В. Ксенофонтова – сибиреведа, религиоведа (в частности, его работы по шаманству, архаическим формам мышления высоко ценили и использовали такие ученые мирового уровня, как С.А. Токарев и М. Элиаде), литературоведа, юриста, переводчика сочинений немецких философов, крупного общественного деятеля.

Хорошо известна творческая разносторонность А.М. Золотарева и Б.А. Куфтина, Н.М. Маторина (первого директора Института этнографии, февраль–декабрь 1933 г., и главного редактора журнала “Советская этнография” в 1931–33 г.), Ю.П. Петровой-Аверкиевой (главного редактора того же журнала в 1966–1980 гг., заведующую сектором народов Америки в 1975–1980 гг.).

... Какие люди! И – какие лица (во всяком случае, у многих из персонажей этих книг!). Сколько в них доброты и ума, спокойствия и достоинства – достоинства людей, знающих цену себе и цену человеческому достоинству, которое они умели сохранять и в нечеловеческих условиях.

Вы не найдете в этих лицах ни напыщенности (как правило, идущей от сознаваемого или подсознательного комплекса неполноценности), ни злобы – причины которой, чаще всего, все в том же; не найдете – никогда! – выражения “чего изволите?” или “рады стараться!”.

У многих из них (независимо от социального происхождения! При том, что некоторые из них, действительно, потомственные русские, российские интеллигенты, не-

редко со старыми дворянскими корнями) на лицах – отпечаток истинного аристократизма, не сословного, а того, что называется аристократизмом духа, идущего от умного семейного воспитания, честности во всем как естественной нормы жизни, чувства ответственности – перед близкими, перед делом, которому ты служишь, перед Отечеством. В них ощущается, с одной стороны, и какая-то особость (прежде всего потому, что каждый из них – личность), выделенность (призванием, судьбой), а с другой – соединенность с традицией, с наукой, с народом (который они, по большей части, по-интеллигентски идеализировали).

Все эти слова – не потому, что они о людях тяжелой, часто трагической судьбы, попавших под страшный каток тоталитарного режима. Да, он сминал, корежил, уничтожал самых разных людей, но все же прежде всего таких, которые были личностями, людьми чести и долга, интеллигентов старой формации: их не терпели (сознавая их интеллектуальное и нравственное превосходство), не переносили те, кто хотел, чтобы все были на одно лицо, с выражением безоговорочной преданности и сиюминутной готовности (на что угодно).

Эти “мякотелье” (как почему-то принято полупрезрительно говорить) интеллигенты – в том числе женщины! – нередко оказывались перед пытками и издевательствами палачей-следователей, в невыносимых условиях тюрем и лагерей более мужественными, чем профессиональные революционеры с подпольным стажем, чем бесстрашные комбриги и командармы гражданской войны (которых в конце 1930-х тоже почти полностью уничтожила тоталитарная система).

Не признала себя виновной в антисоветской деятельности (на процессе 1934 г. по делу “Российской национальной партии”, которой не существовало в природе) Наталия Ивановна Лебедева.

Не подписала ни одного обвинения Нина Ивановна Гаген-Торн; необыкновенно достойно, стоически мужественно прошла через издевательские допросы, пытку бессонницей, в страшных лагерных условиях сочиняла стихи, которые заучивали окружающие. Сохраняла оптимизм, сохранила лицо. Замечательная статья о ней (в 1-м выпуске) написана ее дочерью, Г.Ю. Гаген-Торн. Пока – только статья. А может быть и роман, и театральный спектакль (фильм?) – о “крутом маршруте” правнучки шведского дворянина Дэвида Гаген-Торна, с родителями изъездившей Европу, близко дружившей с Андреем Белым и сполна хлебнувшей из горчайшей чаши, выпавшей на долю российской интеллигенции в те десятилетия, когда подлинная интеллигентность была пороком и криминалом...

Арестованный в 1938 г. Анатолий Несторович Генко за два года в тюрьме под следствием, несмотря на пытки, не подписал обвинения и – что было редкостью в те годы – был освобожден. “Этот хрупкий интеллигент не был сломлен. И они вынуждены были его выпустить”, – вспоминал о нем другой крупный кавказовед Л.И. Лавров<sup>4</sup>. Доломали, добились в 1941 г. (вновь арестованный 2 сентября, он умер в тюремной больнице 25 декабря 1941 г.).

Страшно пытали выдающегося япониста, чл.-кор. АН СССР, проф. Н.И. Конрада. Дважды он отказывался от данных под пытками показаний...<sup>5</sup>

Отнюдь не “голубых кровей” была Юлия Павловна Петрова-Аверкиева, дочь лесоруба из Карелии, своим умом, талантом, неустанной работой ставшая вровень с крупнейшими этнографами нашей страны. На семь лет выброшенная из жизни в гулаговскую круговерть, эта худенькая, невысокая женщина выстояла, устояла, одержимо работала – как ученый, как главный редактор журнала – до последних дней жизни, стоически борясь со смертельным недугом...

Семнадцать лет провел в лагерях, ссылке, на поселении Ерухим Абрамович Крейнвич – один из ведущих специалистов по этнографии и языкам народов Сибири (о нем писал в своем “Архипелаге ГУЛАГ” А.И. Солженицын). И в лагерных условиях он продолжал научные исследования, став крупнейшим знатоком языка и культуры нивхов.

...Н.С. Тихонов, когда-то известный, а ныне почти забытый советский поэт, в молодости, в 1921 г., написал “Балладу о гвоздях”. Она – о героических моряках, поги-

баюющих, до конца выполняя свой долг. Заканчивается это небольшое произведение такими строчками:

Гвозди б делать из этих людей,  
Крепче б не было в мире гвоздей.

Нужно ли мне продолжать сравнение? Одно лишь примечание: не надо делать гвозди из людей – даже метафорически.

\* \* \*

Эти две книги – больше, чем книги; и составляющие их очерки-статьи – больше, чем просто работы историографическо-биографического жанра, посвященные “тем-то и тем-то”. Это и отдавание долга нашим предшественникам и коллегам по науке, ставшим мучениками, жертвами в один из самых противоречивых по своему содержанию, и уж точно самый трагичный период многовековой российской истории. Это и восстановление порушенной связи времен; нечего и говорить о возможности написания реалистичной, подлинно научной и полной истории нашей науки и Института этнографии – этнологии и антропологии, основного, “головного” учреждения в этой науке, пока у нас нет адекватного всестороннего научного знания о процессах, происходивших в ней в 1920–1950-е годы, и о людях – “действующих лицах” этих процессов, в подробностях их научной и человеческой судьбы.

Говоря об “отдании долга” (впрочем, кавычки, наверное, излишни), я хочу отметить прежде всего вклад двух людей, двух наших коллег, особо много сделавших в этом крайне необходимом (для всех нас необходимом), очень важном деле. А.М. Решетов, известный ленинградский-петербургский этнолог, специалист по этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии, одним из первых обратился к этой теме и опубликовал в разных изданиях целую серию статей и заметок, посвященных репрессированным или вынужденным эмигрировать отечественным специалистам в области этнографии, антропологии (и смежных наук)<sup>6</sup>. Четыре его статьи опубликованы в этих двух книгах, о коих речь: о Н.Н. Козьмине (вып. 1), о Н.М. Маторине, Б.А. Куфтине (в соавт. с С.С. Алымовым), Т.А. Крюковой (вып. 2). Вклад его в обсуждаемую тематику/проблему – и как ученого, и чисто личностный – нельзя переоценить.

Эти две книги, два выпуска издания (которое, хочется надеяться, будет продолжено) “Репрессированные этнографы” вряд ли состоялись бы, если бы не инициатива и очень большой опыт ответственного редактора и составителя. Я имею в виду, конечно, Д.Д. Тумаркина. В Москве именно в рамках руководимой им группы по изучению истории этнологии и антропологии<sup>7</sup> сосредоточилась основная работа по воссозданию жизненных и творческих биографий отечественных специалистов, работавших в этих областях, – жертв тоталитарного режима. Вышедшая в 1999 г. первая книга получила высокое признание не только нашей узкопрофессиональной среды, но и самых разных кругов российской общественности (причем, отнюдь не только в столицах), и просто граждан, прямо или косвенно связанных с событиями и персонажами, которым посвящен 1-й выпуск “Репрессированных этнографов”. Весь тираж разошелся очень быстро; в 2002 г. вышло 2-е издание. Во 2-м выпуске (2003 г.) значительно расширена – что, естественно, можно только приветствовать – и авторская география (кроме москвичей и петербуржцев в книге участвуют ученые из Южносахалинска, Якутска, г. Белова, Кемеровской обл., а также Еревана) – и, соответственно, география персонажей, составляющих книгу очерков.

\* \* \*

Однако при всей важности, значительности того, что сделано (я имею в виду эти две книги, статьи в журналах и сборниках), данные публикации следует рассматривать как начало того “отдания долга”, о котором говорят их редакторы и авторы,

как начало заполнения той лакуны, которая существует в истории нашей науки. Ведь пока что рассказано о небольшой части наших коллег, пострадавших от репрессий. Очень мало знаем мы и о тех ученых, которые вынуждены были эмигрировать из России, а это, кроме более или менее известных В.И. Иохельсона и С.М. Широкогорова, выдающийся тюрколог В.Ф. Минорский, крупнейший японист Н.А. Невский, талантливый иранист В.И. Никитин и многие другие.

Конечно, надо продолжить серию, может быть, ввести такую рубрику в журнале “Этнографическое обозрение” (или, во всяком случае, стараться давать подробные очерки этого цикла в разделе “История науки”). Думается, важно “освещать” не только крупные имена. Ведь было немало молодых, подававших надежды ученых, жизнь которых, полностью или частично, была потеряна для науки.

Наконец, еще один важный аспект обсуждаемой проблемы.

Когда читаешь статьи в этих книгах, то и дело обращаешь внимание на пометы авторов: “фонд (такого-то) не обработан и не описан”. Между тем после смерти этих ученых нередко прошло уже много десятилетий. А ведь там могут быть подлинные сокровища – фактов, мыслей, идей, соображений и просто готовые статьи. К примеру, О.Ю. Артемова публикует названия самых крупных работ А.М. Золотарева, хранящихся в его личном фонде в архиве ИЭА РАН: “Патрилинейность и матрилинейность аборигенов Австралии”, “Из истории материальной культуры на севере Америки и в Азии”, “Развитие брака, семьи и рода”, “Общественные отношения родового общества”, “Переходки дуальной организации в Древнем Египте”, “Материалы к археологии Нижнего Амура” (в соавторстве с М. Воеводиным), “Древнейшие судьбы Приамурья”, “Очерк истории родового строя”, “К вопросу о происхождении рода”. А.М. Золотарев умер в одном из северных лагерей в апреле 1943 г.; с июля 1941 г. он был на фронте. Это значит, что все названные работы, даже самые поздние, выполнены более шести десятилетий назад. Да, наука не стояла на месте все это время; многое в этих сочинениях наверняка устарело. А может быть – нет? Может быть, содержание его работ, мысли и факты, дополняют и обогащают нынешние представления по всем этим темам и вопросам? И уж, во всяком случае, в разделе “История науки” журнала “Этнографическое обозрение” почти любая из этих работ (может быть, в сокращении; конечно, с квалифицированным комментарием специалиста) была бы очень уместна. Почему бы ИЭА РАН не издать сборник работ одного из самых одаренных российских (советских) этнографов 1930-х годов? Между тем, примечание к статье О.Ю. Артемовой кончается такой грустной констатацией: “Фонд Золотарева до сих пор не обработан и не описан”<sup>8</sup>. То есть мы до сих пор даже не знаем толком, что в нем содержится...

В архиве Российского этнографического музея хранится фонд Т.А. Крюковой, крупного этнографа, специалиста по народам Поволжья и замечательного музейного работника; он тоже еще не обработан и не описан<sup>9</sup>. В качестве “утешения” и/или оправдания кто-то может сказать, что после ее кончины (в 1978 г.) прошло всего-то четверть века...

Почти столько же времени прошло, как ушла из жизни Ю.П. Петрова-Аверкиева. Ее фонд, хранящийся в архиве ИЭА РАН, – “не описан, нумерация страниц хранения и листов отсутствует”<sup>10</sup>.

А вот что пишет об архивном фонде Ф.А. Фиельструпа Б.Х. Кармышева, автор статьи об этом выдающемся исследователе: “Содержащиеся в архиве Фиельструпа материалы – неисчерпаемый источник не только для этнографов, но и для фольклористов, ономастов и лексикологов. Публикация их заполнит многие лакуны в наших знаниях по традиционной культуре киргизов, казахов и ряда других тюркоязычных народов”<sup>11</sup>.

В таком же состоянии, похоже, и почти все остальные авторские фонды, хранящиеся в архиве ИЭА и родственных архивохранилищах. Я думаю, что ситуация изменится лишь тогда, когда деловую заинтересованность проявят научные подразделения ИЭА и других институтов, чтобы уяснить, что в хранящихся авторских фондах есть интересное, важное в научном плане, что может стать статьей в журнале или

сборнике, специальным авторским сборником (или монографией?), предметом аналитического обзора (и т.д.). И кто знает, насколько богаче стала бы наша наука, сколько интересных биографических очерков появилось бы о людях, деятелях нашей науки, о которых мы, даже сталкиваясь годами, как говорится “нос к носу”, знали (знаем) очень мало... Много ли мы знали (при всем том, что немало все же знали) о С.А. Токареве как человеке в разных ситуациях, пока не были опубликованы его “дневники” (впрочем, далеко не в полном виде, отрывки)<sup>12</sup>.

Конечно, все это – большая работа. Очень важно привлечь к ней молодых сотрудников, аспирантов, толковых студентов-старшекурсников соответствующих кафедр (какая отличная школа была бы – во всех смыслах).

\* \* \*

Не хочется выделять особо какие-то очерки, статьи в этих двух книгах. Все они написаны на хорошем научном и литературном уровне, талантливо, с умом и душой. Это очень важное издание, в каком-то смысле стоящее особняком в общем потоке наших монографий и сборников. Тема, “предмет” их – особенный. Обжигает, несмотря на толщину годов, десятилетий. Никого они не могут оставить равнодушными.

...Ф.М. Достоевский как-то сказал, что, когда “в конце времен” Господь призвет человечество на Свой Суд и спросит: “Чем вы можете оправдаться за все свои грехи?”, люди предъявят Всевышнему “Дон Кихота” – и Бог, проникнувшись высоким духом и смыслом этой книги, простит их...

Этнографы – тоже люди, и, как все, не без грехов, больших и малых. Но, думается мне, когда придет черед российским этнографам давать ответ на Высшем Суде, предъявим мы эти книги – и, может быть, прощены будем...

#### Примечания

<sup>1</sup> См.: Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1999. № 5. С. 169–172.

<sup>2</sup> Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 186–187.

<sup>3</sup> Время новостей. 2003. 7 окт. С. 6.

<sup>4</sup> Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1993. С. 106.

<sup>5</sup> Джарылгасинова Р.Ш., Сорокина М.Ю. Академик Н.Н. Конрад: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности // Репрессированные этнографы. Вып. 1. С. 210.

<sup>6</sup> Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4, 5–6. СПб., 1994; *Он же*. Н.А. Невский как этнограф // ЭО. 1992. № 6. С. 115–127; *Он же*. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // ЭО. 1994. № 3. С. 132–135; *Он же*. Отдание долга // ЭО. 1995. № 2. С. 40–62. № 4. С. 3–19. № 4. С. 3–24 (и ряд других публикаций этого же автора).

<sup>7</sup> Группа была создана в ИЭА РАН в начале 1990-х годов и постепенно превратилась в неформальный координационно-методический центр по изучению этой проблематики во всероссийском масштабе.

<sup>8</sup> См. Репрессированные этнографы. Вып. 2. С. 222. Примеч. 3.

<sup>9</sup> См.: Там же. С. 295. Примеч. 1.

<sup>10</sup> Там же. С. 424. Примеч. 2.

<sup>11</sup> Репрессированные этнографы. Вып. 1. С. 162.

<sup>12</sup> См.: Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке). М., 1995.

#### S. Y. Kozlov. Reading the Two Volumes of “Repressed Ethnographers”: A Review Essay

The essay is a reflection on the dramatic pages in the history of Russian/Soviet ethnography – the 1920s–50s, the years that made many scholars victims of the totalitarian regime and caused grave harm to the academic discipline. The author discusses the issue through his reading of the two volumes of “Repressed Ethnographers”, a collective work published in Russia in 1999–2003.